

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб..

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

№ 101

(Октябрь)

1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Мужественно переносящій бѣдствія заслуживаетъ оеобенной похвалы.—Бесѣда съ прихожанами о пользѣ „Приходскаго Совѣта“ для приходской жизни. Свящ. Николая Соколова.—Жатва жизни. Пшеница и плевель. Смерть грѣшниковъ люта.—Вологодская Лѣтопись. Открытіе духовно-нравственныхъ чтеній въ домъ братства Всемилоствиваго Спаса въ Вологдѣ.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

МУЖЕСТВЕННО ПЕРЕНОСЯЩИЙ БѢДСТВІЯ ЗАСЛУЖИВАЕТЪ ОСОБЕННОЙ ПОХВАЛЫ.

Праведнику здѣсь нужно терпѣть многое и все мужественно переносить, если онъ желаетъ получить блистательные вѣнцы въ жизни будущей. Если мы съ похвалой говоримъ о тѣлѣ, которое можетъ безъ труда выносить холодъ и зной, голодъ и нужду, путешествія и другія тяготы, то гораздо болѣе должны ублажать душу, которая можетъ твердо и мужественно выносить всѣ напасти и бѣдствія, и всегда сохранять не поработаннымъ свой умъ. Какъ душа, пребывающая въ праздности и безопасности, легко плѣняется страстями, такъ, наоборотъ, упражняющаяся постоянно въ подвигахъ благочестія не имѣетъ даже и времени когда нибудь подумать объ этомъ, потому что забота о подвигахъ отвлекаетъ ее отъ всего этого. Не только тотъ, кто дѣлаетъ добрыя дѣла, но и тотъ кто терпитъ зло, получаетъ великія награды; и доказательство тому представляетъ Іовъ, прославившійся болѣе своими страданіями, нежели добрыми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ не такъ славенъ въ то время, когда владѣлъ богатствомъ, отверзалъ свой домъ для бѣдныхъ и раздавалъ имѣніе, какъ въ то время, когда услышалъ, что домъ его обрушился и не возропталъ; не такъ былъ славенъ, когда отъ волны овецъ своихъ одѣвалъ нагихъ, какъ славенъ и достоуважаемъ въ то время, когда, услышавъ, что палъ огонь и истребилъ все, возблагодарилъ Бога. Тогда онъ былъ челоуколюбцемъ, теперь сталъ мудролюбцемъ; тогда сострадалъ бѣднымъ, теперь благодаритъ Господа. Благодаритъ Бога, когда все идетъ успешно.—въ этомъ нѣтъ ничего достойнаго удивленія; но когда поднимается буря и ладья находится въ опасности перевернуться, тогда это служитъ великимъ доказательствомъ терпѣнія и благородства духа.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

Бесѣда съ прихожанами о пользѣ „Приходскаго Совѣта“ для приходской жизни.

„Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа“.

Много уже разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ вами, добрые прихожане, о дурномъ поведеніи нашей деревенской молодежи; бесѣдовать и въ храмѣ и въ вашихъ домахъ при совершеніи требъ. И, къ общему прискорбію, замѣтной пользы, видимыхъ добрыхъ плодовъ пока нѣтъ отъ этихъ бесѣдъ.

Что замѣчаемъ мы обыкновенно въ дни нашихъ праздниковъ, то же самое видимъ мы почти и во всѣхъ простые будніе дни...

Внимательно прислушайтесь только къ нашей вообще деревенской улицѣ и, если вы не здѣшній постоянный житель, а чужестранецъ, то въ васъ непременно появится увѣренность, что должно быть здѣсь каждый вечеръ и каждую ночь справляютъ большой праздникъ. Среди бѣлаго дня въ любой деревнѣ много вѣдь меньше того шума и гѣхъ безобразій, какіе мы видимъ и слышимъ почти каждую ночь. Днемъ веселый шумъ бываетъ только въ праздники; но такой же точно шумъ мы слышимъ нынѣ каждую ночь; не значитъ ли это, что у насъ каждая ночь—праздникъ? Но, согласимся, пусть будетъ и такъ, пусть каждая ночь—праздникъ... И въ этомъ послѣднемъ случаѣ мало намъ утѣшенія, такъ какъ Господь Правосудный грозно говоритъ намъ о такомъ недостойномъ празднованіи: „праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя!“ И намъ должно быть понятно: почему праздники наши противны Господу Богу? Да потому, что мы провождаемъ то ихъ не въ добромъ общеніи, не въ добрыхъ дѣлахъ и бесѣдахъ, а въ пьянствѣ, козлогласованіи и другихъ непотребствахъ. Мы не праздники только, но и будніе дни превратили въ дни праздные, въ ничего недѣланіе, въ пустословіе и буесловіе, въ дни всякаго безобразія. Мы совсѣмъ забываемъ заповѣдь Божию *шесть дней буднихъ—дѣлай трудись*, и слова св. Псалмопѣвца: *„изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера“* (Псал. 103, 23), а затѣмъ предается отдохновенію сна, „егоже въ упокоеніе немощи нашей даровалъ Господь“ (изъ мол. свѣтильн. 7-ой). И забывъ это, мы ночи превратили въ дни и притомъ не для дѣланія добра, а на дѣла темныя, подобныя темнотѣ ночи. Вотъ ужъ подлинно, если когда, то ночью особенно ясно мы слышимъ и видимъ „свободу на словахъ, насиліе на дѣлѣ“.

И это только на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ. А что творится, начиная съ осени, въ собраніяхъ молодежи, бывающихъ въ извѣстныхъ домахъ каждой деревни и въ теченіе почти цѣлой ночи, въ собраніяхъ, извѣстныхъ у васъ подъ именемъ „бесѣдъ“? Что творится на этихъ бесѣдахъ, многіе знаютъ только по печали.

нымъ послѣдствіямъ и по написанному въ словѣ Божіемъ: „*ничтоже тайно, еже не открыеться*“, а также и по мѣткому выраженію народной мудрости: „шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Да, о сихъ печальныхъ послѣдствіяхъ заботливо предостерегаегь насъ слово Писанія, когда говоритъ: „*тлятъ обычаи благи бесѣды злы*“. И спѣшитъ женская половина молодежи на бесѣды эти съ цѣлію заняться плетеніемъ косынокъ или кружевъ; на самомъ же дѣлѣ это только для отвода глазъ: исполненная работа далеко не отвѣчаетъ затраченному времени; то-же самое время проводи молодежь у себя дома, а не на „бесѣдѣ“ и прибыль въ работѣ окажется двойная и тройная... Какъ много времени въ теченіе зимы тратится у молодежи на эти безнравственныя ночныя бесѣды? Если-бъ столько же времени употребили деревенскія дѣвушки на посѣщеніе школы, тогда не пришлось бы имъ краснѣть изъ-за незнанія Символа Вѣры, заповѣдей и молитвъ, которыя онѣ замѣнили пошлыми пѣснями...

И все это сдѣлала „свобода!“

Не по той же ли „свободѣ“ нынѣ совершенно отвыкли уважать и чужую собственность? Трудно нынѣ хозяйкѣ дома уберечь свой огородъ отъ хищенія. Чуть только не доглядишь (а гдѣ же углядѣть?),—все сосѣдскіе мальчуганы растаскаютъ! Да не одни мальчуганы: и взрослые, сойдясь вмѣстѣ, часто находятъ себѣ забаву въ томъ, что доставляетъ горе и убытокъ бѣдному, но трудолюбивому хозяину.

Нынѣ не уберечь яблоки отъ воровства: еще зеленцами унесутъ, изломаютъ и самыя изгороди; да и не держатъ же крестьянину сторожа изъ-за какихъ нибудь 2—3 яблонь? Озорники не только потаскаютъ яблоки, а и вѣтви деревьевъ поломаютъ, и цѣлыя саженцы изъ земли повытащатъ.

По невозможности уберечься отъ озорства и воровства, нынѣ на задворкахъ вашихъ крестьянскихъ домовъ, вмѣсто фруктовыхъ деревьевъ и разныхъ огородныхъ овощей, распложатся одни бурьяны, крапива да репейникъ. Стоитъ пройтись въ любой деревнѣ по дамамъ, по задворкамъ, и можно увидѣть, сколько клочковъ земли самой дорогой, полуусадобной, пропадаетъ даромъ, сколько удобренія выбрасывается безъ пользы, сколько силъ, сколько свободнаго времени не находятъ себѣ полезнаго приложенія въ вашихъ крестьянскихъ семьяхъ?

Не потому ли нынѣ и пропала у насъ цѣлая выгодная отрасль хозяйства—огородничество и садоводство? Не потому ли нынѣ многіе хозяева и тратятся на покупку того, что прежде получалось ими безъ копѣйки расхода, между дѣломъ, у себя дома, да у другихъ еще и на сторону продавалось?

Такъ что при нынѣшнихъ нашихъ деревенскихъ не порядкахъ, при вольности нашей молодежи, при общемъ неуваженіи къ чу-

шой собственности, едвали пособить нашей бѣдѣ и ожидаемая всѣми прирѣзка земли ¹⁾).

Улучшить свое положеніе въ семействѣ и обществѣ мы сможемъ только въ томъ случаѣ, когда улучшимъ наше собственное поведеніе. Достигнуть же этого возможно единственно подъ условіемъ самоисправленія. Пояснимъ примѣромъ.

Вольность нынѣшнихъ дѣтей прямо-таки беспокоитъ многихъ родителей. Намъ становится страшно за будущее дѣтей—такъ они своевольны, буйны, такъ нерадиво относятся они ко всякому дѣлу; съ самыхъ юныхъ лѣтъ они склонны ко многимъ дурнымъ привычкамъ и становятся участниками весьма многихъ, не по возрасту ихъ, пороковъ... Причины этого поистинѣ печальнаго и тревожнаго явленія въ слѣдующемъ.

Не случалось ли среди васъ какому либо семейству при наступленіи осенняго вечера испытать нѣкоторую тревогу только потому, что ваша овца съ нѣсколькими ягнятами, или вашъ телекъ, не пришли домой на ночлегъ? Темная осенняя ночь и опасность отъ звѣря вселяютъ въ васъ тревогу—какъ бы не лишиться вамъ необходимаго въ хозяйствѣ скота и вы, не смотря на усталость послѣ тяжелаго рабочаго дня, не обращая вниманія и на голодный желудокъ, вы спѣшите на поиски за домашнимъ скотомъ, каковыя поиски нерѣдко бываютъ при дождливой, вѣтренной, холодной погодѣ и продолжаются до глубокой ночи, съ опасностію для васъ потерять собственное здоровье. Не случается ли, что вашъ домашній скотъ попалъ въ хлѣбное поле, въ вашъ капустникъ, или на покосъ? Развѣ не спѣшите вы, оставивъ, быть можетъ, иногда и спѣшное дѣло, выгнать скотъ, дабы сохранить поле, огородъ и покосъ отъ убыточной поправы?

Вотъ какую заботливость оказываемъ мы о нашемъ домашнемъ скотѣ, наблюдая хозяйственные выгоды. Мы боимся, чтобы онъ не утерялся, не сдѣлался бы добычею звѣря и не принесъ бы ущерба нашему хлѣбу, огороду и покосу. Имѣемъ-ли мы подобную заботу о нашихъ дѣтяхъ?—Нѣтъ и нѣтъ!

Осенніе и зимніе вечера и ночи дѣти ваши не живутъ дома, отецъ и мать не видятъ ихъ и, въ случаѣ нужды въ нихъ, не вдругъ найдутъ ихъ; вмѣсто-же того, чтобы въ кругу своей семьи заняться дѣтямъ полезнымъ дѣломъ или почитать-бы книжку, они шумятъ на улицѣ, или же безчинствуютъ на „бесѣдахъ“. Наши дѣти подростки совсѣмъ не приичены ни къ какому труду или дѣлу. А между тѣмъ приучить ихъ очень не трудно.

Мнѣ живо вспоминается бывший мой небольшой приходъ за Вологдой; тамъ, за малостію требъ, часто бывалъ я, по вечерамъ, въ домахъ моихъ прихожанъ и любовался трудами семи и восьми-

1) „Зорька“ № 173 за 1906 г.

лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; труды ихъ состояли въ томъ, что они проворно своими маленькими рученками въ теченіе вечера сработаютъ не одну сотню мелкихъ коробочекъ для копченыхъ сельдей, приготовляемыхъ въ селѣ Устьѣ Кубенскомъ. Совсѣмъ еще маленькія дѣти такъ быстро работаютъ коробки, что отецъ семейства едва успѣваетъ заготовить имъ дранку или лучинку. Занятіе очень выгодное и преданы ему всѣ—и малые и старыя, и мужчины и женщины; большая семья въ теченіе зимы приготовляетъ десятки тысячъ такихъ коробочекъ. Занятіе это хорошо еще и тѣмъ, что дѣти рано пріучаются къ полезному труду и всегда на глазахъ у своихъ родителей до глубокой ночи работаютъ до усталости и имъ не до гулянки, почему въ будніе дни на улицѣ не увидишь тамъ молодежи и не услышишь ихъ шума.

Насколько заботливо бережемъ мы нашъ домашній скотъ отъ звѣря, настолько же безопасно относимся къ своимъ дѣтямъ. Мы хорошо знаемъ, какому дурному вліянію подвержены они на вечеринкахъ и бесѣдахъ, и все же дозволяемъ имъ ночныя отлучки почти до утра. Мы не боимся того лютаго звѣря, который нравственно и въ конецъ развращаетъ нашихъ дѣтей; мы не боимся и того строгаго отвѣта, какой должны будемъ дать за нихъ въ свое время. Если домашній скотъ портитъ хлѣбное поле, мы выгоняемъ его; но если дѣти губятъ свои души на несчастье и позоръ намъ—родителямъ, это намъ нипочемъ: пусть себѣ веселятся, мы не удалимъ ихъ отъ веселой компаніи, сами безмятежно предаваясь покойному сну: дѣти вѣдь не домашній скотъ, нагуляются и сами придутъ...

Вотъ обычныя наши размышленія о дѣтяхъ. Такъ же легко мы относимся и ко многимъ другимъ житейскимъ обязанностямъ, почему и жизнь какъ каждой отдѣльной семьи, такъ вообще и всей нашей обширной родины далеко не походитъ на жизнь нашу ихъ отцовъ и дѣдовъ, еще сравнительно недавняго прошлаго времени.

Каждый новый день мы, если не видимъ, то слышимъ или читаемъ все о новыхъ чудовищныхъ преступленіяхъ или отдѣльныхъ лицъ, или же цѣлыхъ обществъ и учреждений. И нельзя сомнѣваться, наше положеніе не измѣнится къ лучшему до того времени, пока мы сами добровольно и охотно не обратимся къ средству самоисправленія, „нельзя же думать, что всѣ уже такъ и примирились съ господствующими порядками. Нѣтъ, безъ сомнѣнія, тысячи людей съ глубокимъ негодованіемъ относятся къ позору нашего времени, но это ихъ негодованіе молчаливо, таится про себя, разрозненно, просто случайно, потому оно и безсильно“. („Церк. Вѣдом.“ 1906 г. № 34, стр. 2482). Это негодованіе народное ждетъ только толчка, чтобы съ силою пробу-

дяться и изыскать тѣ мѣры и способы, которые принесли бы всѣми желанное успокоеніе нашему отечеству. Вотъ намъ и хотѣлось бы объединить благомыслящихъ людей въ одно общество, въ одинъ союзъ, создать и организовать постоянный протестъ народной совѣсти противъ совершающихся нынѣ нравственныхъ безобразій. Что совѣтъ не подѣ силу одному лицу, то безъ большихъ усилій поддается обществу или союзу. Эта истина извѣстна и каждому изъ васъ—простыхъ людей. Возьмите любую деревню, гдѣ изобилуютъ недобрые порядки: разгулъ, буйство, пьянство, воровство и пр.; но если и всѣ обыватели деревни желаютъ положить конецъ своимъ не порядкамъ, да если каждый изъ нихъ дѣйствуетъ порознь, а не за одно со всѣми: никогда порядокъ въ деревнѣ не будетъ лучше. Жизнь деревни измѣнится къ лучшему лишь тогда, когда всѣ—какъ одинъ, будутъ дуть, по пословицѣ, въ одинъ уголь, когда всѣмъ обществомъ или союзомъ будутъ бороться съ не порядками деревни. Значитъ, устройство союзомъ для борьбы съ нынѣшними не порядками положительно необходимо и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ спасительнѣе для всѣхъ насъ.

Высшее духовное начальство ожидаетъ отъ насъ—приходскихихъ священниковъ, что если мы не наемники, а пастыри своихъ прихожанъ, то мы немедля возьмемъ на себя заботу образовать въ каждомъ приходѣ такой союзъ или приходскій совѣтъ изъ преданныхъ Церкви людей; на обязанности этого совѣта будетъ помогать каждому отдѣльному члену прихода и каждой отдѣльной семьѣ устроить свою жизнь въ порядкѣ законности и по требованіямъ доброй хрістіанской нравственности, иначе сказать, приходскій совѣтъ будетъ всѣми законными способами бороться съ не порядками всего прихода и на улицѣ, и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ цѣломъ обществѣ, съ не порядками, препятствующими мирному и покойному образу жизни всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь.

Многіе сейчасъ же готовы сказать: и въ добрый часъ! пусть священники и устраиваютъ союзы и совѣты, отъ которыхъ всѣмъ будетъ только лучше!

Правда, основать, открыть союзъ или совѣтъ не составляетъ большого труда; преданныхъ Церкви людей, благодареніе Богу, среди васъ, нашихъ прихожанъ, достаточно; но будучи избраны въ члены совѣта, эти преданныя Церкви лица, не останутся ли холодными, безучастными къ своимъ обязанностямъ, каковыя возлагаютъ на нихъ будущіе совѣты? Развѣ не видимъ мы и нынѣ между служащими по выбору хотя бы въ теченіе только трехъ лѣтъ такихъ лицъ, которые ничего же не дѣлаютъ и, не стѣсняясь говорятъ: „намъ провести бы только время, а тамъ другіе выборные пускай дѣлаютъ“... И сколько таковыхъ—прослужив-

шихъ въ извѣстной должности трехлѣтіе, которые послѣ себя не оставили никакой доброй памяти, ни одного замѣтно добраго дѣла! Поэтому, и намъ—священникамъ многого не сдѣлать для упорядоченія приходской жизни, если намъ не поможете вы—сами наши добрые прихожане!

Вотъ почему и такъ справедливо выразился св. Іоаннъ Злаусть: „Не вся возверземъ на священники, но и сами, якоже о общемъ тѣлѣ, о Церкви всей тако да печалуемъ“

Эти слова святаго вселенскаго учителя выражаютъ несомнѣнную правду: хрістіане, любящіе свою Церковь (подъ каковой надо разумѣть и весь приходъ, всѣ входящія въ составъ прихода селенія), попеченіе о ней не могутъ возлагать только на однихъ священниковъ. Пастыри безъ помощи пасомыхъ всего сдѣлать не смогутъ. О спасеніи всѣхъ должно заботиться всѣмъ хрістіанамъ. И потому всѣ они чрезъ ихъ выборныхъ обязаны участвовать въ общемъ совѣтѣ, касающемся дѣлъ всего прихода.

Итакъ, учрежденіе приходскаго совѣта есть дѣло новое, важное и великое; призовемъ же на это дѣло Архипастырское благословеніе и, по полученіи его, содѣйствующу Святому Духу, приступимъ къ избранію достойныхъ лицъ—членовъ совѣта, когда вмѣстѣ будетъ объявлено о томъ, кто можетъ быть избранымъ, а равно и о его обязанностяхъ. Аминь ¹⁾.

Священникъ Николай Соколовъ.

ЖИТІЯ ЖИЗНИ. ПШЕНИЦА И ПЯВЕЛЫ.

Изъ личныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ истинныхъ.

IV.

Смерть грѣшника люта.

Прочитывая самъ свой помянникъ, когда за проскомидіей іерей Божій вынимаетъ часточки за живыхъ и умершихъ, я каждый разъ съ особеннымъ молитвеннымъ чувствомъ поминаю записанные въ немъ съ 20-го Іюля 1902 года два имени: Андрея и сына его, отрока, его же имя Богъ вѣсть. И всякій разъ, при этомъ поминовеніи, въ памяти моей мгновенно возстаетъ страшное событіе явной кары Божіей, разразившейся надъ этими двумя несчастными. Да проститъ ихъ Господь за смерть ихъ мученическую, за молитвы Церкви, а можетъ быть—кто это знать мо-

¹⁾ Настоящая бесѣда произнесена при молебствіяхъ въ „обѣданные“ праздники во всѣхъ деревняхъ прихода.

жетъ—и за то, что ихъ горестный и всякой жалости достойный примѣръ послужить чьей-нибудь душѣ, близкой къ паденію, въ назиданіе и спасеніе.

Господи, всѣхъ насъ прости и помилуй!

Въ тѣ времена, когда совершилось это событіе, я былъ еще довольно богатымъ помѣщикомъ и самъ занимался своимъ хозяйствомъ въ селѣ Золотаревѣ, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Въ числѣ моихъ рабочихъ служилъ у меня крестьянинъ того села, по имени Андрей Маринъ. На работу когда, бывало, захочетъ, золото былъ этотъ человѣкъ; ну, а не захочетъ, что съ нимъ приключалось нерѣдко, то хоть коль у него на головѣ теши, ничего съ нимъ не подѣлаешь. Жалко мнѣ было малаго, тѣмъ болѣе, что и парень-то онъ былъ молодой, лѣтъ 25—28-ми—не старше, и все думалъ я: авось, выправится, человѣкомъ станетъ, а ужъ я буду съ нимъ биться, пока не переработаю. И самъ-то я тогда еще былъ молодъ и много на свои силы надѣялся...

Прожилъ у меня кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, Андрей Маринъ годъ; отслужилъ свой срокъ, нанимается на второй и прибавки еще проситъ; а староста мой и говоритъ мнѣ:

— „Не берите вы Андрея, баринъ: не выйдетъ изъ него толку. Ну, какой прокъ будетъ въ томъ человѣкѣ, который родную свою мать бьетъ подъ пьяную руку? Сколько ужъ она на него и въ волость, и земскому жаловалась; да, видишь, какіе нынѣ пошли порядки: вдовѣ да сиротѣ негдѣ теперь найти суда. Не берите вы Марина!“

Но я не послушался своего старосты и оставилъ Марина на новый срокъ все въ той же надеждѣ, что съумѣю повлѣять на него и исправить.

Вскорѣ, однако, мнѣ на опытѣ пришлось убѣдиться, что природа современнаго рабочаго изъ набаловавшихся по шахтамъ и отхожимъ промысламъ моему старостѣ извѣстна больше, чѣмъ мнѣ: съ Маринымъ я разстался—пришлось его разсчитать за какую-то провинность едва ли даже не въ самый разгаръ рабочей поры, когда хозяину каждый рабочій дороже золота. Какая это была провинность, я уже теперь не помню, но надо думать, что она была не изъ маленькихъ...

Прошелъ годъ. Я Марина совсѣмъ потерялъ изъ виду. Въ родномъ селѣ его не было. Какъ-то разъ я спросилъ старосту:— „Куда дѣвался Андрей Маринъ?“

— „Подался, говорятъ, опять на шахты“,—былъ отвѣтъ.

Ну, подумалъ я, въ конецъ теперь доканаютъ малаго шахты!..

Кто жилъ, какъ я, жизнью нашей черноземной деревни, тому извѣстно, какой переворотъ въ народной душѣ совершили отхожіе промыслы, особенно же работы въ горнозаводской промыш-

ленности. Желѣзные рудники, каменноугольные копи, отсутствіе вліянія семьи и Церкви, общеніе со всякимъ уже развращеннымъ сбродомъ—все это такъ изломало и исковеркало эту душу, что отъ человѣка, особенно молодого, уже почти ничего человѣческаго не осталось: какъ будто близость и ядовитое дыханіе самой преисподней коснулись народнаго сердца и сожгли въ немъ все добро, всю правду, которыми оно столько лѣтъ жило и строило величіе и славу своей Родины...

За годъ этотъ и въ моей душѣ совершился переломъ великій. Въ скорбяхъ и бѣдахъ, которыя тогда, по великой милости Божіей, налетѣли на меня гнѣвнымъ и бурнымъ вихремъ, я отправился искать помощи и утѣшенія въ паломничествѣ по святымъ мѣстамъ, и тутъ, впервые, Господь удостоилъ меня побывать въ Саровской Пустыни, прославленной подвигами и чудесами великаго Старца Серафима. Это было въ 1900 году, за три года до прославленія св. мощей Угодника Божія. Уже и тогда живая народная вѣра прибѣгала къ его молитвенной помощи и, по вѣрѣ своей, получала великое и дивное.

Получилъ и я тогда отъ Преподобнаго Серафима все, чего искало мое испуганное и наболѣвшее сердце.

Изъ этой поѣздки въ Саровъ и Дивѣевъ я привезъ съ собою память объ одномъ добромъ и благочестивомъ обычаѣ крестьянъ Нижегородскихъ и Тамбовскихъ, который меня глубоко тронулъ: на всѣхъ дорожныхъ перекресткахъ и деревенскихъ околицахъ, гдѣ только я ни проѣзжалъ, я встрѣчалъ маленькія деревянныя часовенки простой безхитростной работы, и въ нихъ за стекломъ—образа Спасителя, Божіей Матери и Божіихъ Угодниковъ. Незатѣйливо устройство этихъ часовенъ: столбъ, на столбу—четыреугольный деревянный ящикъ съ крышкой, какъ у домика, увѣнчанной подобіемъ церковныхъ головокъ, и на каждой сторонѣ ящика—по иконѣ за стекломъ, а гдѣ и вовсе безъ стекла. Но мнѣ не красота была нужна, не изящество или богатство мнѣ были дороги, а дорога была любовь и вѣра тѣхъ простыхъ сердецъ, которыя воздвигали эти убогія видоми, но великія духомъ хранилища народной святыни. Вотъ, этотъ то обычай я и ввелъ у себя тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Сарова въ родное помѣстье. Вскорѣ на двухъ пустынныхъ перекресткахъ, вдали отъ жилья, воздвиглись двѣ часовенки съ иконами на четыре страны Божьяго свѣта, и предъ каждой иконой подъ большіе праздники затеплились разноцвѣтныя лампадки. И что же это за красота быда, особенно, въ темныя лѣтнія ночи!..

Полюбилось это и окрестъ меня жившему православному люду.

— „Дай же тебѣ Господь здоровья добраго“,—такъ стали мнѣ кое-кто сказывать: „вишь, въдь, что надумалъ! Ыдешь иной

разъ изъ города подъ хмѣлькомъ, въ головѣ бѣсъ буровить; ѣдешь, переругиваешься со спутниками, или, тамъ, со своей бабой... Смотришь: иконы а еще лампадки—опомнишься, перекрестишься, тебѣ добраго здоровья пожелаешь--глядь, ругаться-то и забудешь!"

Пришла зима. Стали поговаривать, а тамъ и до моего слуха дошло, что мои часовенки великую пользу принесли народу православному и въ осеннія темныя ночи, и въ зимнія метели; сказывали даже, что и отъ смерти кое-кого спасли эти Божьи домики: заблудится человѣкъ въ зимнюю вьюгу, набредетъ на часовенку, стоящую на распутіи, и выйдетъ на свою дорогу. Радостны были для сердца моего эти слухи добрые... И сталъ народъ носить къ часовенкамъ свои трудовыя копѣчки, грошики свои, трудомъ, потомъ да слезами политые; положить копѣчки на землѣ, отойдутъ; а кто положилъ,—Богъ знаетъ. Приѣдутъ старосты съ объѣзда и привезутъ когда—копѣекъ 7—8, а то и больше. Что дѣлать съ ними? И покупали мы на эти деньги свѣчи въ храмъ Божій, и ставили ихъ за здравіе и спасеніе Богу вѣдомыхъ душъ хрістіанскихъ, тайныхъ доброхотныхъ жертвователей. Такъ, лѣтъ около двухъ совершалось это по виду малое, но по духу великое дѣло хрістіанской любви и вѣры...

Какъ-то разъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ за обычными распоряженіями мой староста и между прочими событіями дня сообщилъ мнѣ, что въ народѣ говорятъ, будто у одной изъ моихъ часовенокъ стало твориться дѣло недоброе: сталъ какой-то тать поворовывать доброхотныя приношенія.

Очень огорчило меня это извѣстіе: страшно мнѣ стало за хрістіанскую душу, такъ глубоко павшую, что рѣшилась она покуситься на такое святотатство.

— „А не слышно“, спрашиваю: „на кого народъ думаетъ?“

— „Слухъ есть на деревенскаго пастуха и на его сынишку-подпаска“, отвѣтилъ мнѣ староста: „замѣчали, будто они,—то вмѣстѣ, то порознь,—до выгона стада, куда то бѣгаютъ ранымъ-ранехонько въ поле по направленію къ часовнѣ“.

— „А кто пастухъ?“

— „Да Маринъ Андрей, что у насъ жилъ когда-то“.

— „Быть не можетъ!.. Да, развѣ онъ вернулся съ шахтъ?“

— „Вернулся. Пошелъ ни про что, вернулся ни съ чѣмъ; теперь у мужиковъ нанялся стеречь стадо. Онъ имъ напасетъ того, что и жизни рады не будутъ. Самоидоломъ онъ былъ, самоидоломъ и остался: какого толку ждать отъ человѣка, который и родной матери не жалѣетъ?. Вы, вотъ, все вѣрить мнѣ не изволили, что не будетъ добра изъ этого человѣка!“...

Это была колкость по моему направленію за то, что, вопреки совѣту старосты, я попробовалъ, было, удержать у себя на

службѣ „самоидола“. Характерное это было словцо—„самоидолъ“ и въ устахъ старосты должно было означать человѣка, который, ради удовлетворенія своихъ желаній, готовъ на все, даже на преступленіе: самъ, молъ, для себя идолъ и что, значить, захочетъ, то и принесетъ самому себѣ въ жертву...

Пробовали мы изловить вора на мѣстѣ преступленія,—не тутъ-то было...

— „Ты его сторожишь, а онъ тебя сторожить: гдѣ его поймать, когда ему самъ „тотъ-то“ помогаетъ?“—объяснилъ мнѣ мой староста и махнулъ рукой.

Махнулъ рукой и я на все это скверное дѣло, предоставивъ его суду Божію.

И судъ этотъ наступилъ...

Приходилось ли тебѣ, читатель, видѣть когда-нибудь деревенское стадо захудалой нашей черноземной деревни? Горе одно, а не стадо!—Тошій коровенки, по одной на два—на три двора, зануженныя зимними голодовками, тощими лѣтными пастбищами на „пару“, выжженномъ солнцемъ, заросшемъ полынью и воровьятникомъ, вытоптанномъ, какъ токъ, съ ранней весны овцами, коровенки, надорванныя преждевременнымъ теломъ, сыростью и холодомъ зимнихъ помѣщеній, нуждой своихъ хозяевъ—всѣмъ горемъ, всей мукой современной, заброшенной черноземной деревни: и такихъ-то одровъ—штукъ двадцать-тридцать на сотню дворовъ густо населенной деревни! Десятка полтора-два свиней съ подсвинками; сотни съ три овецъ да быкъ-полутеленокъ, малорослый, полуголодный—вотъ и все деревенское стадо. Все это едва живо, едва бродитъ, полусонное, полуживое, обезсилившее...

Надъ такимъ-то стадомъ и былъ пастухомъ Андрей Маринъ со своимъ десятилѣтнимъ сынишкой.

Черезъ родное мое село, дѣля его на двѣ половины, протекала рѣчка, извилистая, красивая, но мелководная до того, что ее мѣстами въ бродъ могли переходить куры. Запруженная версты три ниже села, она въ самомъ селѣ еще была похожа на рѣчку и въ лѣтнее время оглашалась цѣлыми днями радостнымъ крикомъ и визгомъ деревенской бѣлоголовой дѣтвора, полоскавшей отъ зари до зари въ ея мутновато-бурой полустоячей водѣ; ну, а выше села, гдѣ по лугамъ послѣ покоса паслось больше на прогулкѣ, чѣмъ на пастбищѣ деревенское стадо, тамъ наша рѣчка текла такимъ мелкимъ и узенькимъ ручейкомъ, что все ея каменистое дно глядѣло наружу. Только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка подъ невысокимъ отвѣснымъ берегомъ дѣлала крутой поворотъ, она въ своемъ днѣ теченіемъ и вешнимъ половодьемъ вымыла подъ самой кручей яму сажени въ полторы глубиною и не больше сажени шириною. Это было единственное

глубокое мѣсто на всемъ протяженіи рѣчки, что было выше села, да и то такое, что взрослому человѣку его можно было безъ особаго труда перепрыгнуть.

Подходилъ Ильинъ день. Притокъ копѣчекъ къ моей часовенкѣ совершенно прекратился: кувшинъ все еще, видно, ходилъ по воду; воръ не ломалъ еще своей головы и только нагло посмѣивался да зло отгрызался, когда ему дѣлали намеки на то, что плохимъ, молъ, дѣломъ, Андрей, ты занялся, къ плохому и сына поваживаешь.

— „Врете вы всѣ“, говорилъ онъ: „да какое вамъ до всего этого дѣло? Деньги не ваши, если бы я ихъ и бралъ, и не передъ вами я въ отвѣтъ: чего лѣзете, куда васъ не спрашиваютъ? Куда ходилъ, что дѣлалъ? Больно много тутъ васъ учителей развелось!“...

Передъ утреней на Илью—пророка кто-то изъ Андреевыхъ сосѣдокъ видѣла, какъ Андреевъ сынишка тайкомъ, какъ звѣренышъ, бѣгалъ въ поле по направленію къ часовнѣ.

— „Охъ, Андрей, Андрей!“ не вытерпѣла баба: „не сносить вамъ съ мальчишкой головы вашей! Ты только подумай, какой нынче день! А вы на Илью да еще такими дѣлами занимаетесь!“

Обругалъ Андрей бабу чернымъ словомъ и прибавилъ:

— „Ступай, доноси! Я тебѣ покажу того, что ты у меня не одного Илью, а и всѣхъ святыхъ вспомнишь. Велики для меня дѣла—твой Илья!“

Все это я, конечно, узналъ послѣ: не любить русскій чело-вѣкъ доносить на своего брата да и судовъ бояться, особенно, теперешнихъ....

По усвоенному обычаю, съ разрѣшенія своего приходскаго священника, я стоялъ въ тотъ день утреню и обѣдно въ алтарѣ нашего сельскаго храма. Полнымъ-полнешенька была церковь, вся залитая жаркимъ іюльскимъ солнышкомъ и огоньками свѣчекъ, принесенныхъ въ жертву Богу и великому чудотворцу, Пророку Божьему, отъ трудовъ и потовъ православнаго народушка. Совершилось великое Таинство Евхаристіи, принесена была безкровная Жертва за грѣхи міра Агнца, присно закалаемаго, николиже иждиваемаго; священникъ у жертвенника потреблялъ св. Дары, а нашъ благоговѣйный дьячекъ читалъ благодарственныя молитвы. Народъ, послѣ молебна, сталъ уже расходиться по домамъ. Я что-то замедлил въ алтарѣ, дожидаясь выхода священника.... Вдругъ, въ алтарь вбѣгаетъ мальчикъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ, забывъ святость мѣста, кричить:

— „Батюшка! Андрей съ сыномъ утопилъ!“

-- „Какой Андрей? Что ты говоришь?“

— „Да, пастухъ Андрей! на нашемъ на лугу, подъ кручей!....“

Оба, какъ есть, утопли! Ихъ качали, качали, да не откачали Мальчишка нашъ тамъ съ ними былъ на лугу и все видѣлъ: и какъ быкъ брухнулъ, и какъ утопли“...

— „Какой быкъ? Да расскажи-жь ты толкомъ!“

Но отъ взволнованнаго и перепуганнаго мальчишки большаго толку добиться было трудно. Вотъ что потомъ узнали:

Рано поутру, послѣ набѣга Андреева мальчишки на часовенку выгналъ Андрей со своимъ сынишкой деревенское стадо и погналъ его на лугъ, на то мѣсто, гдѣ подъ кручей было въ рѣчкѣ единственное глубокое мѣсто. Когда солнышко поднялось уже высоко и стало пригрѣвать по настоящему, по июльскому, мальчишка Андрея прилежъ отдохнуть на бережку, надъ самой кручей, да, видно, какъ рано бѣгалъ за неправедной добычей, не выспался и заснулъ. Андрей въ это время одинъ пасъ стадо. Коровы поулеглись, разморившись отъ зноя; только овцы да свиньи лѣниво еще бродили вокругъ улегшагося стада, да похаживалъ быкъ, переходя отъ одной коровы къ другой и схватывая по дорогѣ тощую траву отавы. Въ это-то время и пришелъ къ стаду тотъ мальчикъ, которому суждено было стать единственнымъ очевидцемъ кары Божіей надъ святотатцами. И, вотъ, на его глазахъ, быкъ, ни съ того, ни съ сего, подошелъ къ обрыву, гдѣ спалъ Андреевъ сынишка, обнюхалъ его да какъ подмахнетъ ему подъ бокъ рогами! Глазомъ не успѣтъ мигнуть, какъ мальчишка съ визгомъ уже барахтался въ водѣ подъ кручей. Увидалъ это Андрей и бросился за сыномъ въ воду да попалъ на то же самое глубокое мѣсто, а плавать не умѣлъ: такъ оба и захлебнулись въ ямѣ шириною въ сажень, какъ въ кадушкѣ...

Такъ и умерли Андрей съ сыномъ подъ острою сѣкирой праведнаго Божьяго гнѣва.....

Много развелось теперь на Руси святой святотатцевъ: только и слышишь, что тамъ ограбили церковь, тамъ убили церковнаго сторожа, а то и нѣсколькихъ вмѣстѣ; осквернили мѣсто святое не только кражей и убійствомъ, а еще и невѣроятнымъ по сатанинской злобѣ кощунствомъ... Волось становится дыбомъ, какъ послушаешь, или прочтешь, что творять теперь злые люди, озвѣрѣвшіе, утратившіе въ себѣ образъ и подобіе Божіе!... И пишутъ въ газетахъ, и передаютъ изъ устъ въ уста, что стынетъ слѣдъ злодѣйскій, и нѣтъ надъ ними кары человѣческой: ловко помогаютъ злодѣямъ бѣсы укрываться отъ суда человѣческаго!...

Пусть такъ. Не всегда тяготящая Десница Всевидящаго падаетъ съ такой быстротой и явной силой, какъ въ рассказанномъ мною событіи: Богъ все видитъ, да иногда не скоро скажетъ. Терпитъ Господь: злодѣй пусть злодѣйствуетъ, тать пусть приходитъ, крадетъ и убиваетъ.... Но, чѣмъ дольше терпитъ Господь, тѣмъ сильнѣе бьетъ, тѣмъ страшнѣе наказываетъ: до сedy

маго колѣна воровскаго сѣмени тяготѣтъ надъ нимъ карающая Рука Божія. И если бы можно было прослѣдить жизнь тѣхъ отверженныхъ, кто, повидимому, оставленъ безъ наказанія за свое преступленіе, то,—ей! увидали бы мы, что еще и при жизни ихъ и до нихъ достигла Десница Вышняго. И только тѣхъ, развѣ, кто въ злодѣяніяхъ своихъ достигъ мѣры злобы сатанинской, кто уготованъ огню вѣчному, тотъ только оставляется безъ видимаго наказанія до страшнаго часа смертнаго, до Страшнаго Суда Божьяго.

Господи, помилуй!....

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Открытіе духовно-нравственныхъ чтеній въ домъ братства Всемилоствиваго Спаса въ Вологдѣ.

8 сентября, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Братскомъ домѣ, къ 5 часамъ вечера, собрались всѣ члены комиссіи по устройству религиозно-нравственныхъ чтеній для служенія молебна предъ началомъ чтеній. Залъ былъ полонъ народа. Было не мало и изъ вологодскаго духовенства. Ровно въ 5 часовъ прибылъ преосвященный Никонъ. Облачившись въ мантию, омофоръ и митру, онъ обратился къ народу съ краткимъ словомъ: „Господи благослови! сказалъ онъ: съ нынѣшняго дня открываются наши обычныя воскресныя бесѣды въ этомъ домѣ, которыя будутъ продолжаться всю зиму. Всякое доброе дѣло слѣдуетъ начинать съ Божія благословенія. Помолимся же Господу, да благословитъ Онъ наше дѣло молитвами Матери Своей пречистой. А такъ какъ завтра Церковь празднуетъ память новаго чудотворца, святителя Θεодосія, то прочтемъ и ему акаѣистъ, мною грѣшнымъ составленный, С. Синодомъ одобренный и только-что вышедшій изъ печати. Да поможетъ намъ и угодникъ Божій въ этомъ святомъ дѣлѣ своими молитвами!“.—Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ предъ чудотворными иконами Спаса Всемилоствиваго (изъ Всеградскаго собора), Скорбящихъ Радости (изъ Софійскаго собора) и иконою святителя Θεодосія, освященною на его св. мошахъ. Преосвященный читалъ акаѣистъ самъ; ему сослужили многіе священники. Послѣ молебна былъ небольшой перерывъ, а затѣмъ преосвященный сказалъ вступительное слово. „Что намъ нужнѣе всего? говоритъ онъ. Мы здѣсь на землѣ временные жители; скоро ли, долго ли—намъ нужно преселяться въ другую жизнь—вѣчную. Такова воля Божія. Слѣдовательно, намъ нужнѣе всего знать волю Божию. А она открывается въ словѣ Божіемъ, въ Священномъ Писаніи. Велика благодатная сила слова Божія! Господь всесильнымъ словомъ Своимъ міръ сотворилъ, Иисусъ Христосъ Своимъ словомъ мертвыхъ воскре-

шалъ, не говорю уже о другихъ чудесахъ Его... А это всемогущее слово Его начертано въ святомъ Евангеліи. Сегодня мы молились въ храмъ Божіемъ: мы съ Богомъ бесѣдовали чрезъ молитву. А въ словѣ Божіемъ Господь бесѣдуетъ съ нами. Вотъ почему я нахожу необходимымъ на нашихъ вечернихъ собраніяхъ здѣсь предложить толкованіе слова Божія. При этомъ помнить должно, что слово Божіе надобно понимать такъ, какъ понимала его святая Церковь отъ временъ Апостольскихъ. Святая Церковь состоитъ не изъ насъ только, теперь живущихъ на землѣ, но и изъ всѣхъ къ Богу отшедшихъ отцовъ и братій нашихъ, получившихъ спасеніе во Христѣ Спасителѣ, наипаче же изъ прославленныхъ Богомъ святыхъ отцевъ и учителей Церкви, составляющихъ Церковь, на небесахъ торжествующую. Они слышали толкованіе слова Божія отъ учениковъ Апостольскихъ, они сами, очищая свое сердце отъ страстей, удостоивались особенныхъ внушеній Духа Божія; посему мы долны знать, какъ они изъясняли Св. Писаніе. Только въ единеніи съ Церковію небесною мы можемъ найти истинный смыслъ Св. Писанія; только при этомъ условіи можемъ избѣгать еретическихъ мудрованій въ семъ великомъ дѣлѣ.—Начнемъ же съ Евангелія отъ Матѳея. Св. Царь и пророкъ Давидъ въ первомъ псалмѣ говоритъ, что праведникъ долженъ поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь: а мы грѣшные будемъ удѣлять на это святое дѣло хотя часть въ недѣлю. Праздникъ не нашъ день, а Божій: отдадимъ же хотя часть на то, чтобы послушать Господа, глаголющаго въ святомъ словѣ Своемъ въ праздничный день. Не будемъ обольщать себя именовъ христіанскимъ: какіе же мы христіане, если не хотимъ знать воли нашего Господа Иисуса Христа? Какіе мы христіане, если Вологда привѣтствовала на сихъ дняхъ врага Христова графа Толстаго? Христосъ говоритъ: *аще кто любитъ отца или мать паче Мене, нсть Мене достоинъ*. Значитъ, кто любитъ литературу больше чѣмъ Христа (если только не лицемѣрили поздравители, когда говорили, будто они привѣтствовали великаго писателя, а не безбожника), тотъ не достоинъ имени христіанина. Пора намъ вразумиться, пора стать истинными христіанами!" ...

Послѣ сего былъ прочитанъ Троицкій листокъ № 801: „Предъ чтеніемъ слова Божія“. За тѣмъ преосвященный снова взошелъ на кафедру и кратко изъяснилъ первое зачало Евангелія отъ Матѳея: Книга родства Иисуса Христа...—Въ заключеніе, послѣ перерыва былъ прочитанъ рассказъ: „Рождество Пресвятыя Богородицы“. Чтеніе закончилось около 8 ч. вечера.